

ЧУЖОЕ ПОЛУШАРИЕ БЛИЖЕ,
ЧЕМ КАЖЕТСЯ

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

ЗАКАТ КОМАНДАНТЕ

Спецназ КГБ

Александр Тамоников

Закат команданте

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Закат команданте / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2022 — (Спецназ КГБ)

ISBN 978-5-04-178633-5

Роман о напряженной работе специалистов уникального подразделения КГБ. От мозгового штурма при подготовке секретной операции до реальной схватки с коварным противником в любой точке земного шара — путь, который по силам только мужественным и преданным своему делу профессионалам. 1967 год. Соратники революционера-романтика Эрнесто Че Гевары сталкиваются с жестоким сопротивлением боливийского режима. Чтобы держать на контроле действия команданте, КГБ внедряет в его окружение агента по кличке Таня. На какое-то время ситуация стабилизируется. Однако, агрессивно настроенные боливийские крестьяне выдают властям расположение кубинского отряда. Чтобы спасти Че и ценного агента Таню от неминуемой гибели, в Боливию направляется группа спецназа КГБ «Дон» майора Вячеслава Богданова. Бойцы еще не знают, что предстоящая задача намного сложнее, чем кажется: накануне отряд кубинцев разделился на части и «растворился» в лесах... «Романы А. Тамоникова — о настоящих мужчинах, для которых понятия доблести, чести и долга — не пустой звук». — В. Колычев

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-178633-5

© Тамоников А. А., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	19
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александр Тамоников

Закат команданте

© Тамоников А.А., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Глава 1

ГДР, Восточный Берлин, декабрь 1960 года

«Че Гевара прибыл в ГДР! Легендарный Че в Германии! Лидер революционного движения встретится в Лейпциге со студентами-латиноамериканцами!»

Университеты Лейпцига и Берлина лихорадило от восторга. Студенты всех расовых принадлежностей не могли ни на чем сосредоточиться, кроме сногшибательной новости. Они собирались группами в университетских коридорах и на все лады смаковали новость. Студенты с юношеским пылом обсуждали, расскажет ли храбрый солдат и талантливый командир о конкретных боях за независимость Кубы, поделится ли своими планами на будущее, ведь всем известно, что останавливаться на достигнутом идейный революционер, по его же собственным заявлениям, не собирается. Женскую половину студенческих масс интересовали иные вопросы: будет ли Че Гевара в своей оливковой форме и неизменном берете, которые так ему к лицу; действительно ли его кудри так шелковисты, как рассказывают очевидцы; уместно ли просить автограф у борца за свободу и независимость? Но какими бы ни были мысли студентов, в одном они сходились: приезд кубинского лидера – лучшее событие за всю их студенческую пору.

– Везучая ты, Тамара! Я бы руку отрубить позволила, лишь бы оказаться на твоём месте, хоть раз прикоснуться к этим шелковистым кудрям!

– Тогда бы ты не достигла своей цели.

– В каком смысле?

– Без руки. Чем кудри ласкать?

– Ну, вторая-то останется!

– Позволь тебе напомнить, Хельга, что у тебя есть жених!

– Ах, Тamarочка, женихи – вещь непостоянная. Сегодня один, завтра другой. На то нам молодость и дана!

По комнате разнесся беззаботный девичий смех. Хельга, девушка, мечтающая о локонх революционера, обняла подругу, на секунду прижала ее к себе, затем оттолкнула и вдруг закружилась по маленькой комнатке университетского общежития.

– Эх, Тамара, как же я тебе завидую! Будешь ходить с ним рука об руку, улыбаться, шутить. А он... он не будет глаз с тебя сводить! Весь день на встречах, собраниях, интервью, а вечером рестораны, бары, и...

– Прекрати, Хельга, вечно ты выдумываешь то, чего нет и быть не может.

– Почему же не может? Он мужчина, ты женщина. Ни один из вас не связан какими бы то ни было обязательствами, так почему бы и нет?

– Это неприемлемо, ты это знаешь.

– Только не начинай читать мне лекцию о высоких моральных принципах твоей дорогой церкви! – Хельга закатила глаза, всем своим видом показывая, что тема ей скучна.

– Дело не в церкви, ты прекрасно знаешь, что для меня религия не более чем пережиток прошлого. – Тамара сердито насупилась. – Мне просто неинтересен мимолетный роман. Просто неинтересен.

– Ну да, ну да. – Хельга рассмеялась и снова закружилась по комнате. – Поговорим об этом через неделю, когда ты будешь паковать вещи для отъезда в Лейпциг. Ты знаешь, что половина студентов нашего университета написала в деканат прошение освободить их от посещения лекций на время визита Че? Все хотят ехать в Лейпциг и приветствовать легенду лично. А тебе и писать ничего не нужно, тебя доставят к нему с эскортом!

Стук в дверь избавил Тамару от необходимости обороняться. Она с видимым облегчением подбежала к двери, открыла ее и отступила назад. На пороге стоял высокий молодой

мужчина слегка за тридцать. Он улыбался широкой, открытой улыбкой, белокурые волосы, спадающие до плеч, источали аромат одеколона, костюм «с иголки» как влитой сидел на стройной фигуре. В руках молодой человек держал бумажный пакет.

– Доброе утро, фрейлейн Бидер. Могу я увидеть Хельгу?

– О, Вернер! Не зли мою соседку, иначе придется перевозить мои вещи к фрау Эрлихер. – Хельга подскочила к двери, отгеснив подругу. – Теперь все женщины требуют, чтобы их называли фрау и никаких унижительных фрейлейн.

– Глупости, никто не хочет в двадцать лет зваться фрау. А насчет переезда идея отличная. Мама будет в восторге. – Вернер склонился к девушке, подставляя щеку. – К тому же квартира, в которой мы сейчас живем, принадлежит не родителям, а мне.

– Ладно, ладно, я пошутила. – Хельга небрежно чмокнула молодого человека в щеку, забрала из его рук пакет и тут же засунула в него любопытный нос. – О, Вернер! Мои любимые!

Хельга пронеслась к столу, подвинула в центр тарелку и высыпала на нее содержимое бумажного пакета. По комнате мгновенно разнесся дурманящий аромат ванили и корицы.

– Снова пончики? – шутливо сказала Тамара и покачала головой, будто осуждая друзей. – Еще пара месяцев, и Хельге действительно придется съехать, так как в эту маленькую комнату она уже не поместится.

– Угощайтесь и вы, фрейлейн Бидер, – на полном серьезе предложил Вернер. – Я всегда покупаю из расчета на троих.

– Это верно, только ваша пока еще стройная невеста справляется с ними в одиночку. – Тамара накинула пальто, сунула ноги в сапожки и, подхватив сумочку, пошла к двери.

– Куда же ты, Тамара? Мы еще не все обсудили, – крикнула вслед Хельга.

– Обсуждать нечего, – от порога бросила Тамара и выбежала из комнаты.

Она вышла на Унтер-ден-Линден, путь ее лежал к Бебельплац, популярному в студенческой среде месту встреч. Торопиться было некуда, до назначенной встречи оставалось еще три часа, но и находиться в комнате с любопытной Хельгой и ее проницательным женихом Тамара не могла. «Уж лучше прогуляюсь, подышу свежим воздухом, чем прятать глаза от Вернера и пытаться уйти от вопросов Хельги», – думала Тамара, шагая по улице. Как ни старалась, она не могла выкинуть из головы слова Хельги: «Везучая ты, Тамара!» – Хельга говорила искренне, она действительно считала ее везучей. Но так ли это? Встреча с Че – удача или проклятие? Да и вообще, что представляет собой вся ее жизнь, можно ли назвать ее счастливой?

Еще до рождения она, Тамара Бунке Бидер, лишилась Родины. Ее родители Эрик Бунке и Надя Бидер, активисты немецкого коммунистического движения, покинули Германию в 1935 году, когда к власти пришли национал-социалисты, или попросту нацисты. Почему выбор родителей пал на Аргентину, Тамара не знала, но родилась она именно там, в переменчивой латиноамериканской стране. Здесь родители Тамары приняли участие в подпольной борьбе, отдавая ей все свои силы. Осенью тридцать седьмого у подпольщиков появилась на свет чудесная девочка, но это не помешало активной подпольной деятельности пары, и маленькая Тамара с самого рождения была окружена революционными лозунгами, призывами к борьбе и, конечно, тайнами.

Надя Бидер старалась дать дочери всестороннее развитие: музыка, спорт, творчество, языки – во всем этом ее дочь должна была преуспеть. И, надо признать, Тамара всегда оправдывала надежды родителей. К пятнадцати годам Тамара умела многое: обладая сильным голосом, она красиво пела, играла на фортепиано и на гитаре, занималась балетными танцами и показывала недурные результаты в спорте. Не обделила ее природа и способностями к языкам. Живя в Аргентине, Тамара пользовалась тремя языками: на испанском она общалась со сверстниками и местными жителями, на немецком говорила с семьей, а так как мать ее была родом из России, то и этим языком Тамара владела в совершенстве.

В 1952 году семья вернулась в Германию. Тамара поступила в Лейпцигский пединститут, а затем – в Берлинский университет имени Гумбольдта и поселилась в Берлине, в его Восточной части. Обучение на факультете философии и литературы шло успешно, но не приносило Тамаре полного удовлетворения. Девушке, воспитанной на лозунгах и призывах к борьбе за права и свободы, казалось, что она способна на большее. Ее тяготило бездействие, пустые философствования, не подкрепленные конкретными делами. Душа Тамары жаждала борьбы, и эту особенность характера девушки не могли не заметить. С определенного времени лидеры коммунистической партии стали проявлять к Тамаре интерес. Она начала выполнять «особые» поручения коммунистической партии, в которую вступила. Но и этого Тамаре оказалось мало, ей хотелось большего.

И вот в один прекрасный день, во время прогулки близ площади Бебеля, к ней подошел мужчина. Представительный вид, строгий костюм, короткая стрижка и пронзительный взгляд – все это произвело на Тамару впечатление.

– Тамара Бунке Бидер? Родине нужна ваша помощь, – глядя в глаза девушки, произнес мужчина, и судьба Тамары была предрешена.

Знаменательная встреча произошла несколько лет назад, Тамара и представить не могла, как далеко она зайдет, но резиденты спецслужб Германии увидели в ней огромный потенциал и решили использовать его по полной программе. Да, она по доброй воле и с великой радостью приняла предложение спецслужб ГДР и вступила в ряды секретного отдела Штази, могущественной организации, работать на которую могла только мечтать.

Девушка начинает изучать тайнопись, правила конспирации, радиосвязь, шифры, коды и среди прочего – способы оболыщения иностранцев с целью получения нужной информации. Поначалу эта часть обучения Тамару коробила, но в спецслужбах умеют находить правильные слова и верные объяснения для тех, кто сомневается. К двадцати трем годам Тамара приняла участие не в одной контрразведывательной операции и, по мнению ее наставников, морально и физически была готова к тайным операциям любой сложности. О том, чем на самом деле занимается скромная девушка Тамара, не знал никто из ее окружения, даже родители.

О приезде Че Гевары, легендарного кубинского революционера, Тамара узнала до того, как эта новость стала известна всем. За месяц до официального объявления новости спецслужбы получили эту информацию из неофициального источника. А три дня назад ее обычный связной, которого Тамаре было велено называть дядя Карл, подошел к ней в кафетерии, где она каждое утро выпивала чашку кофе. Встав за ней в очередь, дядя Карл выбрал время и, склонившись к уху, почти неслышно произнес:

– Записка.

Тамара сделала вид, что не обратила внимания на человека позади себя. Взяла чашку кофе, прошла на террасу и заняла крайний столик. Она думала, что дядя Карл как-то себя проявит, но нет, он вышел из кафетерия, не удостоив ее взглядом. Недоумевала Тамара ровно полминуты, до тех пор, пока не сунула руку в карман своего пальто. Там лежал лист бумаги, сложенный вчетверо. Тамара достала из сумочки записную книжку размером с полноценную тетрадь, открыла ее с середины и незаметно положила на страницы листок из кармана. Как она и предполагала, это была записка от дяди Карла. В ней он сообщал подробности встречи.

«Площадь Бебеля, завтра, в полдень». И смешная рожица вместо подписи, чтобы было похоже, что записку писал влюбленный романтик, который и назначает красивой девушке свидание.

На встречу Тамара пришла на четверть часа раньше назначенного времени. За пятнадцать минут она успела осмотреться и внимательно оглядеть всех, кто был в тот момент на площади. Она ждала, что придет дядя Карл, но пришел другой человек. Он подошел к ней ровно в полдень, галантно поднес ее ладонь к губам, затем непринужденно взял Тамару под руку и повел к зданию оперы. Он не разговаривал, не смотрел на Тамару, но ей казалось, он

изучает ее каким-то непостижимым образом, без слов и взглядов, но изучает. В оперу они не пошли, не дойдя до входа, свернули в арку и покинули площадь. Дальше они просто шагали по улицам, вдыхая прохладный воздух, улыбаясь прохожим, которые улыбались в ответ. А через полчаса этой странной прогулки мужчина посадил Тамару в такси, назвал ее адрес и, помахав рукой, скрылся.

Приехав домой, Тамара до самого вечера пребывала в раздумьях: что это было, что за встреча, что за странное молчание? Она перерыла все карманы в поисках записки, но и ее не было. Тогда, не выдержав, она решила воспользоваться одним из каналов связи, которым пользовалась, когда нужно было срочно передать информацию в Центр. Как ни странно, за несанкционированное использование секретного канала связи ее не отчитали. Ей даже показалось, что в Центре от нее ожидали именно такого поступка. Ей было велено явиться на Бебельплац на следующий день к пятнадцати ноль-ноль. Дополнительных вопросов она задавать не стала, побоявшись показаться назойливой.

Всю ночь Тамара не сомкнула глаз, ее чутье, обостренное за годы разведывательной службы, подсказывало, что скоро в ее жизни произойдет событие, которого она так долго ждала. Настоящее задание. Ее задание. Дело, в котором она сможет проявить свои способности в полной мере. До сна ли ей было? В двадцать три года так легко потерять голову!

Утром, несмотря на бессонную ночь, Тамара встала бодрой. Волнение куда-то ушло, она чувствовала себя собранной и какой-то повзрослевшей. До тех пор, пока не вернулась ее соседка по комнате, неугомонная Хельга. Она прибежала из университета, вся взбудораженная новостью: Че Гевара едет в ГДР, а она, Тамара Бунке Бидер, выдвинута на роль переводчицы! Целый час Хельга смаковала новость, радуясь уже тому, что смогла первой принести подруге сногшибательные новости. Сначала Тамара ей не поверила. С чего бы вдруг ее выдвигали от университета на такое ответственное задание? Выдвижения она ждала, надеялась на него, но никак не со стороны университета, но Хельга все твердила и твердила:

– Я лично видела приказ, вывешенный в холле университета. Там черным по белому прописана вся программа университетских встреч и твое имя указано рядом с именем Эрнесто Че Гевары! Удивительно, что тебе об этом не сообщили.

– В этом то и дело. – Тамара с сомнением качала головой. – Если бы они планировали выдвинуть меня на роль переводчицы, то обязательно вызвали бы в деканат, а то и куда повыше. Но меня не вызывали, никто со мной не беседовал, никто никаких предложений не делал. Так что обольщаться не стоит.

– Быть может, решение было принято только вчера, – настаивала Хельга. – Они просто не успели сообщить, а у тебя сегодня свободный день. Завтра тебя вызовут к директору и все прояснится. Подумай сама, кого еще, если не тебя? Ты свободно владеешь и немецким, и испанским. К тому же ты из университетской среды, знаешь привычки и особенности здешних студентов. Ты идеальная кандидатура для переводчика!

И Тамара ей поверила. А почему бы и нет? Возможно, сегодняшняя встреча как раз и должна все прояснить? Ведь неслучайно ей показалось, что Центр ее настойчивость не рассердила. Вероятно, вопрос действительно решался в спешке, и с ней попросту не успели связаться. Когда Тамара пришла к такому выводу, ее охватило странное чувство. Че Гевара был ее кумиром. Борец за свободу и независимость, он так органично вписывался в ее мечты и стремления!

С этого момента она не могла думать ни о чем другом. Она и легендарный Че! Как такое возможно? Она, простая девушка, ничем особым не примечательная, и он, кумир всех девушек и лидер всех угнетенных. О том, каким будет ее задание, если инициатором ее назначения на роль переводчицы для Че являлось Министерство государственной безопасности ГДР, Тамара почти не думала. Скорее всего ей придется оберегать Эрнесто от нежелательных встреч и нападок психопатов, которых в любой стране хватает. Правда, она не представляла себе, как слабая девушка может оградить мужчину от нападения, но, вероятно, у высоких чинов на этот

счет имеется свое мнение. Это неважно. Главное, она сможет провести целую неделю в обществе Че!

В приподнятом настроении она дошла до площади Бебеля. Естественно, связного еще не было, она и не ждала его так рано. Не имея терпения стоять на месте, она начала нарезать круги по площади. Площадь показалась ей крошечной, и девушка вышла за ее пределы. Почти бегом пробежалась по узенькой Беренштрассе, вернулась к площади и, взглянув на часы, с удивлением поняла, что чуть не пропустила назначенное время. Стрелки показывали четырнадцать пятьдесят пять. Тогда она остановилась у выхода на улицу Унтер-ден-Линден, чтобы отдышаться. «Идиотка! Зачем нужно было себя загонять? Теперь он подумает, что ты опоздала и оттого раскраснелась и вспотела. Стоишь посреди улицы вся мокрая, и это в декабре!» – корила она себя.

– Тамара, здравствуйте, – услышала она за спиной спокойный мужской голос.

Она оглянулась, в двух шагах от нее, около бежевого «Трабанта», сверкающего новизной, стоял мужчина средних лет. Седоватые виски, короткая стрижка, темное полупальто и совершенно безжизненный взгляд, который никак не сочетался с нежностью в голосе. Тамара кивнула вместо приветствия, голос куда-то пропал. Мужчина распахнул дверцу автомобиля и призывно махнул рукой.

– Присаживайтесь, нас ждет долгий путь, – произнес он.

Тамара послушно села на пассажирское сиденье, мужчина обошел машину сзади, но за руль не сел. Вместо этого он открыл дверцу с противоположной стороны и занял место рядом с девушкой. Она вопросительно подняла брови, мужчина не отреагировал. В этот момент девушка заметила, что пассажирское и водительское сиденья разделены перегородкой, создавая определенную изоляцию пассажиров. Мужчина захлопнул дверцу и дважды стукнул костяшками пальцев по перегородке. Двигатель заурчал, и машина тронулась с места.

Какое-то время ехали в тишине: мужчина молчал, и Тамара не решалась начать разговор первой. Видимо, ее сдержанность пришлась мужчине по душе. Когда он заговорил, Тамара услышала в его голосе нотки удовлетворения, хотя его взгляд так и остался безжизненным.

– Люди, давшие вам рекомендации, знают свое дело, – произнес мужчина. – Как мне и говорили, держитесь вы достойно, особенно для своих лет.

– Что не так с моим возрастом? – Тамара смотрела прямо в глаза собеседника.

Мужчина рассмеялся, но смех не отразился в его взгляде.

– Двадцать три вам кажется солидным возрастом?

– В любом случае это не повод считать человека желторотиком.

– Возможно, в вашем случае так и есть. – Мужчина испытующе осмотрел девушку. – Вы знаете, что любопытство у людей в крови? Вы же со своим весьма недурно справляетесь. Но нет, скорее всего просто успешно маскируете. Я прав?

– Да, вы правы. – Тамара решила не хитрить и не прогадала.

– Достойный ответ. – Мужчина снова удовлетворенно кивнул. – Стань вы отнекиваться и настаивать, на этом наша поездка, пожалуй, и закончилась бы. Хороший шпион должен уметь определять, когда стоит схитрить, а когда уместна лишь правда.

– Это что, испытание?

– Можете и так назвать. – Мужчина откинулся на сиденье, давая понять, что первый раунд Тамара выиграла. – Это не значит, что больше испытаний не будет, но все же главную проверку вы прошли.

– Приятно слышать, – девушку подмывало начать задавать вопросы, но она заставила себя сдержаться, рассудив, что в любом случае этот странный собеседник выдаст ей информацию не раньше, чем сам решит, что пришло время. А он не спешил: аккуратно расправил стрелки на брюках, смахнул невидимую пылинку с пальто, достал из кармана расческу и тща-

тельно расчесал волосы. Затем заговорил, но, как показалось Тамаре, на отвлеченные темы, будто хотел просто поддержать разговор со вчерашней школьницей.

– В университете в Берлине вы изучаете философию и литературу, так?

– Да, все верно, – послушно ответила Тамара.

– Как вам здешние преподаватели?

– Лучше, чем в Аргентине, – сдержанно ответила девушка.

– Что думаете про отечественных философов?

– Вас интересует кто-то конкретно? – Тамара не понимала, к чему этот разговор, и оттого испытывала раздражение.

– Нет, можете ответить про немецких философов в целом, – позволил мужчина.

– На мой взгляд, философия каждым человеком воспринимается сугубо лично, – начала Тамара. – Из курса, прослушанного мной, мне ближе литература.

– Понимаю, – ответил мужчина и неожиданно резко сменил тему: – Скажите, Тамара, что для вас патриотизм?

– Что? – вопрос озадачил девушку, после стольких лет бескорыстной работы на секретные службы она никак не ожидала, что ей придется доказывать свою патриотичность.

– Вы не ослышались, – произнес собеседник. – Я хочу услышать от вас, что вы считаете патриотизмом.

– Преданность и любовь к своему Отечеству, к своему народу и готовность к любым жертвам и подвигам во имя интересов своей Родины, – заученно произнесла Тамара.

– Это то, чему вас учили в разведшколе. – Мужчина поморщился. – Я же хочу услышать, что об этом думаете именно вы, Тамара, а не философы из учебников по школьной программе.

– Вы хотите знать, какую страну я считаю своей Родиной? – Тамара смотрела прямо в глаза собеседнику. – Вопрос резонный. Я родилась в Аргентине и прожила там первые пятнадцать лет, вполне логично предположить, что там я оставила свое сердце. Но для меня понятие Родина представляется в более широком смысле. Это не клочок земли, не место, где родился, не улица, по которой ходят твои родители... Это идеи, которые трогают за душу, и неважно, где их воплощать в жизнь – в Германии, в Аргентине или в России. Главное, чтобы люди, которые борются за эти идеи, победили...

– Вы нам подходите. – Мужчина не дал Тамаре закончить мысль.

– Кому «вам»? – решила на вопрос девушка.

– Организации, для которой интересы людей, простых людей, стоят превыше всего, – ответил мужчина. – Это не пустые слова, Тамара. Вы примете наше предложение, и у вас будет возможность в этом убедиться.

– Я уже приняла предложение несколько лет назад и активно работаю на секретную службу ГДР. Разве не поэтому я здесь, с вами?

– Штази? Девочка, я делаю тебе предложение, за которое каждый из агентов германской разведывательной службы продал бы душу дьяволу, – мужчина фамильярно похлопал Тамару по колену. – Сегодня знаменательный день, можешь считать его твоим вторым днем рождения!

– Если вы не из Штази, тогда откуда вы? – в голосе Тамары зазвучала тревога. – Почему я здесь?

– Ты здесь, потому что ты – лучшая! А госбезопасности СССР нужны именно такие.

Домой в тот день Тамара пришла без четверти восемь. Ее соседка по комнате оставила записку, в которой сообщала, что собирается пожить у Вернера, родители которого неожиданно уехали к друзьям в пригород Берлина и освободили отпрыску квартиру на целых пять дней. Хельга выражала надежду, что к ее возвращению Тамара будет уже на пути в Лейпциг,

вся в мечтах о «красавчике Че». Тому, что комната пуста, Тамара обрадовалась. После разговора в «Трабанте» ей совсем не хотелось вести светскую беседу с соседкой. «Не придется объяснять свое состояние, можно сесть и все спокойно обдумать», – решила девушка.

Насчет спокойствия Тамара преувеличила, разговор в машине так ее взбудоражил, что усидеть на месте, как ни старалась, она не могла. Как всегда в подобных случаях, она принялась за уборку. «Когда руки заняты – и голова работает быстрее» – так всегда говорила ее мать, и это действительно работало. Набрав в ведро теплой воды, Тамара достала тряпку и начала методично отмывать дверцы шкафов и тумбочек, которые стараниями не слишком аккуратной Хельги всегда нуждались в чистке.

Это был странный день, неудивительно, что он так повлиял на девушку. Предложение, о котором пошла речь после того, как Тамара узнала, с кем имеет дело, оказалось еще более странным. Не так она представляла себе служение высоким идеалам, не такого продолжения приятных мечтаний Хельги. О том, чтобы работать на госбезопасность Советского Союза, Тамара даже не помышляла. С чего вдруг? Только потому, что ее мать родом из России? Но когда она там жила? Ее матери сейчас и не вспомнить, какой была жизнь в далекой России, а ей, Тамаре, и вспоминать не о чем. Так почему она дала согласие защищать интересы этой страны? Почему согласилась на это задание?

Да потому, что, как ни готовилась Тамара к встрече, мужчина застал ее врасплох. К такого рода общению жизнь Тамару явно не подготовила. Привычка сотрудника КГБ обращаться к собеседнику то слишком фамильярно и на «ты», то сугубо официально и на «вы» сбивала с толку. К тому же он постоянно менял тему в самый неожиданный момент. То говорил про патриотизм и то, как сильно разведка в ней нуждается, то вдруг переводил разговор на ее соседку по комнате Хельгу и то, насколько близко они общаются. Потом снова говорил про героическое будущее Тамары и тут же начинал сетовать на то, как мало современная молодежь уделяет времени чтению. И вся беседа в таком духе.

В какой-то момент мужчина ее озадачил. Они как раз обсуждали, какую литературу Тамара предпочитает, и потому его предложение прозвучало совершенно неожиданно.

– Выберите псевдоним.

– Что?

– Псевдоним, – терпеливо повторил мужчина. – Должен же я вас как-то называть.

– Таня, – почти без задержки произнесла девушка.

– Таня?

– Да, Таня.

– Почему?

– В честь Зои Космодемьянской. Это девушка-красноармеец, она входила в диверсионно-разведывательную группу штаба Западного фронта во время Второй мировой войны. Погибла, выполняя задание. Когда нацисты взяли девушку в плен, она назвалась Таней.

– Я знаю, кто такая Зоя. Вопрос в том, откуда о ней знаете вы?

– Моя мать родом из России. – Девушка улыбнулась. – Я провела много вечеров, изучая русскую историю и литературу. Про Зою же маме рассказали очевидцы.

– Вот как? Ваша мать поддерживает связь с Советским Союзом?

– В какой-то мере.

Тамаре показалось, что данный факт оказался неприятен мужчине, но развивать тему дальше он не стал. Промолчала и Тамара.

– Так, значит, Таня, – после минутной паузы произнес мужчина. – Хотите стать героем?

– Хочу служить Родине, – несмотря на пафосность слов, прозвучали они органично, будто девушка просто констатировала факт.

– Что ж, Таня, у вас будет такая возможность.

И после этой фразы вновь перешел к обсуждению литературы, как будто интереснее темы вообще не существует. Только через два часа странных скачков между прошлым и настоящим он перешел к тому, ради чего пригласил Тамару на встречу.

– Вам уже известна новость о том, что в ГДР с визитом прибывает Эрнесто Че Гевара? – задал мужчина вопрос.

– Да, об этом говорят во всех университетах.

– И о том, что ваша кандидатура выдвинута на роль переводчицы?

– Об этом мне сегодня сообщила соседка. Официально меня еще не известили.

– Это произойдет завтра. Вас вызовут в деканат, предложат заполнить официальные бумаги и отправят в Лейпциг, – сообщил мужчина. – Вы, естественно, согласитесь.

– Да, я понимаю, – ответила Тамара.

– Нет, не понимаете. – Мужчина покачал головой. – Для вас это будет лишь началом.

– Началом чего? – К тому времени Тамара порядком устала и все, чего она хотела, это чтобы разговор поскорее закончился и она получила бы возможность пойти домой.

– Начало вашей деятельности в роли специального агента КГБ СССР.

– Я должна буду охранять Че Гевару? – фраза вырвалась случайно, и Тамара мгновенно об этом пожалела. Ее собеседник не рассмеялся, не нахмурился, выражение его лица вообще не изменилось, и тем не менее Тамара почувствовала, насколько велико его разочарование.

– Нет, девочка, охранять тебе никого не придется. По крайней мере, в привычном понимании этого слова. Господин Че сам в состоянии позаботиться о своей безопасности. В большинстве случаев. – Мужчина вздохнул. – Твоя задача будет намного глубже. Но для начала послушай о том, как на настоящий момент обстоят дела у господина Че Гевары.

Слова агента КГБ о Че Геваре не стали для Тамары откровением. Слухи о том, что идейный революционер в своих выступлениях стал все чаще упрекать братские социалистические страны в том, что они навязывают беднейшим странам условия товарообмена, подобные тем, какие диктуют империалистические страны на мировом рынке, ходили уже давно. Это же Тамаре сказал и ее собеседник, имея в виду высказывания Че Гевары относительно СССР. Его последнее выступление, в котором он открыто назвал советскую концепцию бесконфликтного сосуществования двух мировых систем правления несерьезной и даже губительной, заставило правительство СССР задуматься о том, насколько опасен господин Че для имиджа социалистических стран, ведь тень от его речей падала не только на Кубу и даже не столько на Кубу, сколько на страны, по чьему пути развития решила пойти Куба.

– Вы должны понимать, Тамара, что такое положение вещей не может устраивать советское правительство. Ситуация в мире и без того накалена, опасность развязывания ядерной войны с социалистическими странами возрастает с каждым днем, и в такой ситуации любое брошенное в сердцах слово может оказаться той каплей, которая переполнит чашу терпения и спровоцирует мировой конфликт. Ядерный конфликт, Тамара, вы это понимаете?

– Да, я понимаю. – Девушка не была уверена, что согласна с выводами, сделанными советским правительством. Она даже не была уверена, откровенен ли с ней ее собеседник, но вступать в спор не собиралась.

– Отлично, значит, поймете и остальное. Проанализировав ситуацию, наша служба приняла решение добавить в окружение господина Че Гевары надежного человека, чтобы он мог направлять энергию революционера в мирное русло и следить за его действиями.

– Следить за его... – Тамара осеклась. В голове зашумело. «Следить за Че Геварой, докладывать о каждом его шаге, шпионить, подслушивать, подставлять! Боже, во что ты влипла, Томочка!»

Мужчина все говорил и говорил: о недостойном поведении лидера кубинской революции, о самоотверженной помощи советского народа странам, пытающимся бороться с капиталистическими акулами, о сложностях в отношениях с мировыми державами, о том, как много в

политической жизни зависит от работы секретных служб... Тамара его почти не слышала. Все, о чем она могла думать, – это то, что она должна шпионить за легендарным революционером, за человеком, чей пример вдохновлял сотни тысяч людей и ее лично на борьбу с империализмом.

– Тамара, вы должны сосредоточиться на своей миссии, полностью посвятить себя ей.

Эту фразу Тамара услышала. Она смогла наконец взять себя в руки и взглянуть в лицо агента КГБ.

– Но почему я? – только и смогла она спросить.

– Потому что вы идеально подходите на эту роль, – ответил он. – Вы молоды, красивы, умны. Вы обязательно привлечете его внимание. Нам необходимо, чтобы он полностью вам доверял, и не просто доверял, а считал вас равней, следовал вашим советам, прислушивался к вашим словам.

Это Тамара тоже слышала и зацепилась за спасительную фразу: следовал советам, прислушивался к словам. «Значит, я смогу контролировать ситуацию, – подумала она. – Я смогу лично разобраться в том, правы в своей оценке разведслужбы СССР или нет. И в зависимости от тех выводов, к которым приду, смогу выбрать способ действия». Эти мысли, наивные по своей сути, на время успокоили девушку, и она дала свое согласие работать на КГБ.

– Я в вас и не сомневался, – заявил мужчина. – Теперь можем переходить к деталям. Ваша легенда весьма убедительна в том виде, в каком есть, а над нашей общей легендой придется поработать.

– Что это значит? – не поняла девушка.

– Это значит, что для вас легенду, под которой вы предстанете перед Че Геварой, придумывать не нужно. Ваша жизнь, реальная жизнь, вполне подойдет. Разумеется, из нее придется исключить вашу связь с секретными службами ГДР и, само собой, цель наших с вами встреч. Итак, приступим. Меня будете звать Андрей, я ваш родственник по материнской линии.

– Родственник? – только сейчас до Тамары дошло, что за время долгого разговора ее собеседник так и не представился, сказав лишь, что, как полковник КГБ СССР, уполномочен курировать всех агентов Штази.

– Да, Тамара, родственник. Когда ваши родители уехали в Аргентину, им навязали меня, пятнадцатилетнего юношу, которого родители побоялись оставить в Германии. Мы выросли вместе, но ввиду большой разницы в возрасте виделись мало. Я получал образование и в ваш дом приезжал лишь на каникулы. Это продолжалось до тысяча девятьсот сорок седьмого года, когда я вернулся к своей семье. Вы тогда были слишком малы, чтобы налаживать крепкие отношения. Зато теперь, когда мы встретились вновь, уже на территории Германии, наша дружба стала крепкой. Я тот, кому вы безбоязненно доверяете все свои девичьи секреты, а так как секретов у девушек пруд пруди, то и встречаемся мы довольно часто. Легенда нужна для того, чтобы наше общение не вызывало подозрений. Пока все понятно?

– Да, все понятно. – Тамару раздражала манера нового знакомого уходить от главной темы, но она ничего не могла изменить.

– Эта встреча будет не последней, но впоследствии придется использовать телефонную связь или переписку, так что вам нужно выучить наш особый шифр, которым вы сможете передавать любые сообщения, не боясь быть разоблаченной. Кроме того, вы должны успеть рассказать своим подругам, что встретились со мной. И сказать это нужно так, чтобы они запомнили: я ваш поверенный в сердечных делах, я ваша охрана от недостойных кавалеров, и я же ваша дуэнья и к этой роли отношусь очень серьезно.

Мужчина протянул Тамаре лист бумаги и потребовал развернуть его. Это оказался список книг, которыми девушка должна была пользоваться, для шифровки посланий.

– Общая идея понятна, – коротко произнесла она.

– Хорошо. Мою легенду придется заучить. Повторить детали?

– Нет, у меня хорошо натренированная память, господин...

– Просто Андрей. Зови меня Андрей, я же буду звать тебя Томочкой. Твой псевдоним – для секретных донесений и моих докладов наверх, во всех остальных случаях ты по-прежнему Тамара. С этой минуты мы на «ты» и зовем друг друга только по именам. – Андрей вдруг перешел на русский. – И если нужно, чтобы тебя понял только я, говори на русском. По крайней мере, в латиноамериканских странах этот язык не настолько распространен, как испанский или немецкий.

– А при чем здесь латиноамериканские страны? Вы отправляете меня в Латинскую Америку? – В голосе Тамары невольно зазвучало разочарование. Она не хотела следить и шпионить за лидером кубинской революции, но желание встретиться с ним было слишком велико, чтобы отказаться от такой возможности.

– Правила, Томочка, правила! – Агент нахмурился. – Привыкай сразу, иначе тебе не продержаться и недели.

– В Латинской Америке? – Тамара в недоумении взирала на нового наставника.

– Нет, пока всего лишь в Лейпциге. Родина доверила тебе ответственное задание, Томочка, и ты должна с достоинством выполнить его. Тебя, Томочка, ждет встреча с кубинским лидером Эрнесто Че Геварой. Он прибывает в Лейпциг через семь дней, так что переехать и обустроиться у тебя время будет. За эту неделю мы с тобой встретимся минимум пять раз, такова программа подготовки к спецзаданию. Затем экзамен и последняя проверка, которая покажет, сможешь ты стать личным переводчиком кубинского лидера или нет.

– А если у меня не получится?

– Должно получиться!

– Да, но он приезжает всего на неделю, как я смогу оставаться с ним дольше?

– Для этого мы и будем встречаться, чтобы ты получила подробные инструкции на сей счет. Сейчас твоя главная задача вызвать не просто интерес Че Гевары, завязать не просто мимолетную интрижку, ты должна суметь убедить его, что ты необходима ему как воздух.

– Но как? У меня нет опыта общения с мужчинами.

– Тебе это и не нужно, просто будь сама собой. Вы встретитесь, ты расскажешь ему про свою жизнь, про работу в коммунистической партии. Будешь восхищаться его достижениями на Кубе и мимоходом расскажешь, что мечтаешь поехать учиться в Гаванский университет на факультет журналистики, но из-за бюрократических проволочек тебе никак не удастся воплотить мечту в жизнь.

– Но я никогда не мечтала учиться в Гаване и попыток туда поступить не делала. Что, если лож откроется?

– Томочка, ты забываешь, с кем имеешь дело. Все уже проработано. Два запроса, прошлого и позапрошлого года, лежат в архиве госструктур ГДР, при необходимости это легко проверить. О самом университете придется почитать, кое-что вызубрить, чтобы было правдоподобно. Знай: с любой проблемой ты можешь обращаться ко мне, я все устрою. Твоя задача четко выполнять мои указания.

– Хорошо, я все сделаю, – послушно ответила Тамара.

– Теперь о твоих связях. С этого момента ты должна забыть обо всех друзьях и знакомых. Твоя цель – революционный лидер Че Гевара, никакие другие привязанности не должны мешать тебе выполнить задание. И еще: никто не должен знать о твоей миссии. Никто, Тамара, это значит даже родители. Теперь ты встречаешься только со мной и с кубинской делегацией, об этом мы тоже позаботимся. Со всеми остальными общаешься только с помощью записок о том, что у тебя все отлично.

– Но мои родители и раньше не знали, чем именно я занимаюсь, – напомнила Тамара. – Для них я являюсь членом компартии и для партии выполняю небольшие поручения. Вот и все.

– Тем лучше. Пусть так и остается.

– Что еще я должна знать, прежде чем попаду в Лейпциг?

– Андрей, – с нажимом произнес агент КГБ. – Ты ни разу не назвала меня по имени, Томочка, и это очень плохо.

– Прости, Андрей, – произнося его имя, Тамара покраснела. – Раньше мне не приходилось называть мужчин намного старше себя просто по имени.

– Поэтому ты и должна делать это сейчас, пока мы не на людях, чтобы привыкнуть.

Подробных инструкций агент КГБ так Тамаре и не дал. Какое-то время они обсуждали ее переезд, способы связи на время, пока она будет оставаться в Лейпциге, затем он отвез Тамару обратно к Бебельплац, и на этом встреча закончилась. Теперь же Тамаре предстояло разложить весь разговор по полочкам, проанализировать информацию, а главное, понять для себя, каким образом новое задание отразится на ее жизни.

Само задание вызывало у Тамары смутное ощущение нереальности происходящего. Много лет она считала, что у России с Кубой крепкие дружеские отношения, а ее лидеры, Фидель Кастро и Эрнесто Че Гевара чуть ли не однайцевые близнецы, нераздельное целое. Непогрешимое, неподкупное, незапятнанное. Но то, что она услышала сегодня, шло вразрез со всеми ее прежними представлениями об отношениях между СССР и Кубой, и она просто не знала, чему верить. А как не верить, если тебе об этом без купюр сообщает полковник КГБ СССР, представитель великой ядерной сверхдержавы, которой удалось обуздать даже такого монстра, как США?

«Придется поверить, тебе придется в это поверить, Тамара! – убеждала она сама себя. – Иначе как жить? К чему стремиться?» А верить не хотелось, очень не хотелось. Для Тамары, как и для большинства людей, Че Гевара был безупречен. Человек, посвятивший себя делу революции, ни больше ни меньше. «Возможно, они ошибаются, все ошибаются. Узнать это я смогу, только если сумею добиться расположения Эрнесто Че Гевары. Но сумею ли я? Он видный революционный деятель, а я простая девушка, едва окончившая университет. Да он меня попросту не заметит. Переводчиков никогда не замечают. Они как приложение к приятной беседе, не больше».

Уборка давно закончилась, а сомнения и беспокойство так и не улеглись. Тамара взглянула на часы, стрелки показывали четверть десятого. «Еще не поздно прогуляться до кафе и что-то перекусить. Готовить совсем не хочется, а поесть надо», – решила девушка. Она быстро оделась и вышла из комнаты. До кафе, расположенного на углу соседней улицы, Тамара шла быстрым шагом. Войдя в помещение, привычно огляделась. Несмотря на поздний час, посетителей было немало. Впрочем, как и в любой другой вечер. Кафе обслуживало в основном студентов, так что большую часть посетителей Тамара знала в лицо.

Она заняла столик у окна, заказала салат, пару бутербродов и крепкий кофе. Пока жевала принесенную еду, мысли крутились вокруг предстоящей поездки. Несмотря на все сложности и сомнения, встречи с легендарным революционером Тамара не могла не ждать. И не могла не представлять себе, как это будет. За время ужина она успела прокрутить в голове с десяток различных сценариев. Когда тарелка опустела, девушка поднялась и неспешно пошла к выходу. Краем глаза она заметила движение за соседним столиком, но не придавала этому значения: кто-то, как и она, покидал заведение, что в этом странного?

Но, выйдя на улицу, Тамара поняла, что за ней следят. Тот, кто вышел из кафе через минуту после нее, упорно шел сзади. Девушка приостановилась, сделав вид, что поправляет сапожок, сама же осторожно оглянулась. Да, так и есть, мужчина позади не был студентом, и он точно сидел в кафе через столик от нее. Тамара выпрямилась и очень медленно пошла по улице. Мужчина следовал за ней, не слишком заботясь о конспирации.

«Так вот что имел в виду Андрей, когда говорил, что «позаботится» о том, чтобы я ни с кем не встречалась! Слежка должна показать мне, насколько все серьезно, потому они и действуют в открытую, – размышляла Тамара. – Интересно, в Лейпциге ситуация изменится или мне придется флиртовать с Че Геварой под бдительным оком спецагентов?» Дойдя до обще-

жития, девушка оглянулась. Мужчина, преследовавший ее, остановился на противоположной стороне тротуара. Когда он успел перейти дорогу, Тамара не заметила и была этому крайне удивлена. Она всегда гордилась своей наблюдательностью, а тут прозевала. Она стояла и смотрела на мужчину, а он смотрел на нее. Тамаре казалось, что мужчина улыбается. Она развернулась, чтобы уйти, когда он поднял руку и помахал ей. Она не помахала в ответ. Вошла в холл общежития и закрыла за собой дверь.

Глава 2

Москва, Комитет государственной безопасности, август 1966 года

Погода в Москве стояла обычная, не холодная и не жаркая. Столбик термометра редко поднимался выше двадцати пяти градусов, но в помещении по какой-то причине температура казалась невыносимой. Люди спасались, как могли: устанавливали вентиляторы прямо в форточки и фрамуги, приобретали невесомую хлопковую и льняную одежду, некоторые экстремалы осмеливались оголять торс даже на работе, но для сотрудников госбезопасности такие вольности были непозволительны, поэтому они старались как можно больше времени проводить вне помещения, возвращаясь в душные кабинеты только по необходимости.

Сегодня у начальника специального отдела Управления нелегальной разведки подполковника Старцева такая необходимость была. Его бывший начальник и настоящий друг генерал-майор Шабаров назначил встречу на двенадцать часов дня. Будь встреча неофициальной, можно было бы встретиться где-то в тенистом парке, но Шабаров сразу сказал, что действует от лица своего непосредственного начальника, генерал-лейтенанта Сахаровского, возглавлявшего Первое главное управление КГБ СССР, а следовательно, являвшегося и его, Старцева, непосредственным начальником. Как тут возразишь? Вот и потел подполковник в душном кабинете, не имея возможности даже галстук ослабить. Ведь никогда не знаешь, кого может привести с собой высокий начальник, пусть и лучший друг.

В делах отдела, которым руководил подполковник, некоторое время наблюдалось затишье. Срочных заданий и экстренных операций не проводилось и не планировалось, и подполковник больше двух недель наслаждался относительным покоем. После звонка Шабарова он просмотрел все текущие дела, чтобы быть уверенным в том, что не упустил чего-то важного, чем могли заинтересоваться высокие чины. Но нет, никаких просчетов в своих приказах подполковник не нашел и потому решил просто дожждаться прихода генерал-майора и от него узнать, чем вызван интерес начальника ПГУ к спецотделу Управления нелегальной разведки.

Шабаров пришел с опозданием на тридцать пять минут. Запыхавшийся, потный и какой-то злой. Вошел в кабинет, не дав помощнику подполковника, старшему лейтенанту Орлову, выполнить свою обязанность и доложить о визитере. Подполковник встал, приветствуя друга. Тот руки не протянул, лишь кивнул и прошел напрямик к окну, возле которого весело гудел вентилятор.

– Проклятая духота, доконает она меня, – вместо приветствия проворчал Шабаров.

– И тебе здоровья, Алексей Петрович, – пошутил подполковник. – Духота и впрямь изматывает.

– Три часа по этажам бегал, как первогодок в учебке. – Шабаров высвободил воротник из-под галстука, засунув аксессуар в карман форменных брюк. – Сейчас бы полжизни отдал за морозильную камеру размером с комнату!

– Минеральная вода со льдом ситуацию не исправит?

– А есть? – Шабаров развернулся к другу лицом, подставив под вентилятор спину.

– У нас, Алексей Петрович, как в Греции, – улыбаясь, произнес Старцев.

– Так чего же ты ждешь? Командуй своему орлу.

Старцев нажал кнопку селектора внутренней связи и передал распоряжение Орлову. Тот будто только и ждал команды: не успел Старцев отключить связь, как старший лейтенант показался в дверях. В руках он держал поднос с запотевшей бутылкой «Боржоми», двумя стаканами и целой миской колотого льда.

– Здравия желаю, товарищ генерал-майор, – поздоровался Орлов. – Минералочка готова, налить?

– Ты еще спрашиваешь? – Шабаров широким шагом приблизился к столу, на котором лейтенант колдовал с бутылкой и лопаткой для льда. – Сыпь, не жалея.

Он нетерпеливо забрал у лейтенанта откупоренную бутылку, насыпал полный стакан льда, залил его минеральной водой и тут же стал пить. Льдинки звонко заклацали по зубам, Шабаров оторвался от стакана, довольно улыбнулся и повторил процедуру. На этот раз он пил медленно, смакуя каждый глоток.

– Я могу идти? – обращаясь к подполковнику, спросил помощник Старцева.

– Иди, Коля, только далеко не уходи, – разрешил Старцев. – Вижу, лед нам понадобится еще не единожды.

Орлов ушел, плотно прикрыв за собой дверь. Старцев последовал примеру друга, наполнил стакан и выпил «Боржоми». Шабаров тем временем распаковывал папку, которую принес с собой. Старцев молча наблюдал за его действиями.

– Вот, Николай Викторович, что приходится терпеть, – неопределенно произнес Шабаров. – И ведь не откажешься.

– Что-то случилось, Леша? – переходя на дружеский тон, задал вопрос Старцев.

– Да уж случилось, Коля, – в тон ему ответил Шабаров. – А все наша либеральность, будь она неладна.

– Оставь ты бумаги, – попросил Старцев. – Сядь и расскажи, чем тебя так озадачили. С бумагами по ходу дела разберемся.

– Не поверишь, Коля, но я не знаю с чего начать. – Шабаров отложил папку в сторону, откинулся на спинку стула и устало потер ладонями лицо. – Вроде и информации много, а что с ней делать, не представляю.

– Так уж и не представляешь? Сколько лет ты заведовал этим отделом, Леша? – Старцев сел напротив друга. – Сколько сложных решений принял, сколько на твоем счету успешно выполненных операций? И ты не знаешь, что нужно делать?

– Слишком все запутанно на этот раз, – признался Шабаров. – Начальство требует отреагировать, но никаких указаний не дает. А я, как специальный советник по разведывательной деятельности, должен решить, кому куда бежать и кого от чего спасать.

– На то ты и специальный советник, Леша, – Старцев улыбнулся. – Советовать – это твоя прямая обязанность.

– Вот спасибо, объяснил! А я-то, дурень, сижу и голову ломаю, с чего бы вдруг меня заставили советы раздавать, – Шабаров улыбнулся в ответ и немного расслабился.

– Выкладывай, Алексей Петрович, вместе подумаем, как твою задачу решить, – предложил подполковник.

– Операция «Фактор» входит в решающую стадию, – выдал Шабаров и замолчал.

Подполковнику Старцеву не нужно было объяснять, что это значит. Шесть лет назад, когда Шабаров еще заведовал специальным отделом Управления нелегальной разведки, а Старцев ходил у него в замах, они вместе планировали эту операцию. Правда, тогда оба думали, что до ее решающей стадии дело не дойдет, так и останется на стадии предупредительных мер. Видимо, оба они просчитались.

В тот год по распоряжению тогда еще генерал-майора Сахаровского специальным отделом нелегальной разведки была завербована агент германской разведки, студентка Берлинского университета Тамара Бунке Бидер. Ее вербовали люди Шабарова для выполнения деликатной миссии, связанной с контролем деятельности революционного лидера Эрнесто Че Гевары. Девушка должна была войти в доверие к Че Геваре и оставаться с ним настолько долго, насколько будет возможно. С задачей завербованный агент справилась отлично. Уже через шесть месяцев после знакомства с революционером она отправилась вместе с ним на Кубу.

В Гаване Таня (такой псевдоним для секретной работы взяла себе девушка) по протекции Че Гевары устроилась на работу в Министерство просвещения, поступила в Гаванский уни-

верситет на факультет журналистики и параллельно вступила в члены Национальной революционной милиции и в Комитет защиты революции. Все это время она продолжала общаться с революционером, и их дружба переросла в крепкий союз мужчины и женщины. Относительно истинной миссии, возложенной на нее, Таня никогда не заблуждалась, держа регулярную связь с Центром.

В 1963 году от Тани пришло сообщение: Че Гевара предложил ей включиться в подпольную борьбу. Со стороны КГБ возражений не возникло, и Таню начали готовить к переброске в некую страну Латинской Америки. Спустя год, в апреле 1964 года, ее неожиданно забрасывают в Западную Европу. Она потеряла связь с Че Геварой, что не на шутку обеспокоило высокие чины госбезопасности. Но беспокоились они напрасно: серьезных выступлений против СССР со стороны Че Гевары в этот период не наблюдалось, так как он находился в длительной поездке по Северной Америке и Африке. Во время его отсутствия Таня совершенствовалась в умении налаживать связи, будучи на нелегальном положении.

В ноябре 1964 года она по фальшивым документам на имя аргентинки немецкого происхождения Лауры Гутьеррес Бауэр прибывает в Ла-Пас, город в Боливии, фактически выполняющий функции столицы. В своем докладе госбезопасности она сообщила, что именно Боливию Эрнесто Че Гевара выбрал для начала воплощения «теории партизанского очага». Теория заключалась в том, чтобы организовать множество партизанских ячеек на всей территории Латинской Америки, благодаря которым партизанское движение по освобождению от капиталистических устоев охватит весь континент. Че Гевара заявлял: «Не нужно ждать, пока общество созреет для революции – достаточно готовности самих революционеров». Эту теорию он, по словам Тани, и собирался проверить в Боливии.

В Ла-Пасе Таня начинает давать частные уроки немецкого языка детям важных сановников, что способствует росту ее популярности в городе. Спустя какое-то время она получает доступ в дом боливийского президента Рене Баррьентоса, что еще больше укрепляет ее социальное положение. По легенде, она изучает фольклор жителей горных районов. Это дает ей возможность перемещаться по всей стране. Между тем о Че Геваре нет никаких известий. Ни от Тани, ни из других источников. Он словно испарился, исчез с горизонта, и это раздражало верхушку госбезопасности.

В январе этого года Таня сообщила, что в Ла-Пас начали прибывать соратники Че Гевары. Она устраивает для них временное жилье, и все они ждут появления лидера революционного движения. В июне Таня вновь вышла на связь, сообщив, что некий Роберто Передо, член партизанского движения, купил для обустройства центральной базы партизан ранчо Каламина в долине реки Ньянкауасу, присмотренное Таней во время долгих поездок. Роберто Передо прибыл с Кубы, но о Че Геваре не сказал ни слова, лишь попросил Таню, чтобы она обсудила «важный вопрос» кое с кем из приближенных президента. Таня просьбу выполнила, и вскоре начальник службы информации президентского дворца по требованию президента выдал ей подлинный бланк документа на въезд в страну специалиста по антропологии, который якобы должен был оказать девушке помощь в ее фольклорных изысканиях. Кого Таня должна была вписать в документ, Роберто Передо не знал, и документ остался лежать без дела.

И Шабаров, и Старцев курировали боливийскую тему по требованию генерал-лейтенанта Сахаровского, но Че Гевара отсутствовал слишком долго. Ходили слухи, что он орудует в Конго, пытаясь там разжечь «пламя революции», но в Конго и без Че Гевары хватало проблем, поэтому ничего путного там выйти не могло. К началу 1966 года разговоры о Че в разрезе Конго так и остались на стадии разговоров. В Боливии он тоже не появился, и все сошлись на том, что боливийская тема стала ему попросту неинтересна, а все, что происходит вокруг Тани, всего лишь цепная реакция, которую трудно остановить даже в отсутствие главного подстрекателя. И вот в августе дело неожиданно получило новый поворот.

– С генеральным секретарем в очередной раз связался Фидель Кастро, – после непродолжительной паузы сказал Шабаров.

– Почему, как только у нашего кубинского друга возникают проблемы, он тут же вспоминает о нас? – не сдержал раздражения подполковник Старцев.

– Вот и я про то же, Коля. – Шабаров вздохнул. – Насколько мне известно, взаимоотношения между лидерами не слишком теплые. Несмотря на то что решение по вывозу ракет с Кубы принял не Леонид Ильич, Фидель Кастро так и не простил этого поступка Советскому Союзу. Между Брежневым и Кастро никогда не было теплых или хоть сколько-то личных отношений, и все же со своей проблемой он обратился напрямую к Брежневу.

– В чем заключается проблема? – Старцев покосился на принесенные другом документы.

– Он сообщает, что Эрнесто Че Гевара вернулся на Кубу, – объявил Шабаров.

– И что с того? Его правая рука – это его проблема, – выпалил Старцев.

– Как выяснилось, и наша тоже. Идея выдвинуться в Боливию все еще актуальна. – Шабаров потянулся к бутылке с водой. – А наши с тобой прогнозы относительно операции «Фактор» оказались несостоятельными.

– Так, значит, Че собирается в Боливию. – Старцев задумался. – Видно, не просто так его подручные купили ранчо. Что ж, мы к этому готовились, в чем проблема?

– Проблема в том, что правительство Боливии, равно как и их верноподданные, не желает никакой революции. В этом году президентом Боливии избран генерал Рене Барриентос Ортуньо, стоявший во главе мятежа шестьдесят четвертого года. Он, как сообщают достоверные источники, ведет курс на сотрудничество с Соединенными Штатами. Представь, что будет, когда Че Гевара явится в Боливию и об этом узнает Ортуньо. К кому за помощью он побежит?

– У США в Боливии интересов нет, – начал Старцев, но Шабаров его остановил:

– Не начинай, Коля, мы оба знаем, что для американцев все, что может дать хоть малейшую зацепку для обострения конфликта с СССР, имеет огромный интерес. И мы не от нечего делать разрабатывали эту операцию. Все, что касается Кубы, касается и нас – такова реальность. Если в Боливии благодаря стараниям Че Гевары начнется заварушка, советскому правительству придется вступить в игру.

– Об этом просит Фидель?

– Если бы. – Шабаров тяжело вздохнул, прежде чем ответить. – Фидель хочет, чтобы мы остановили Че.

– Что? Остановили? Почему же он сам не может его остановить?

– Да потому, что Че неуправляем, когда речь идет о революции, и неважно, на чьей она территории!

– А мы должны с ним управиться? Интересно, каким образом? Он что, предлагает нам физически устранить его? – произнося эту фразу, Старцев понизил голос.

– Нет, конечно! До этого, надеюсь, дело не дойдет. Он заявил, что не в состоянии повлиять на решение своего бывшего соратника и надеется, что у КГБ есть определенные способы помешать «славному лидеру кубинской революции» совершить политическое самоубийство.

– Так и сказал? – Старцев невольно улыбнулся.

– Почти слово в слово.

– И в верхах приняли решение ввести операцию «Фактор» в решающую стадию.

Фраза прозвучала как утверждение, но Шабаров ответил:

– Другого выхода нет, Николай Викторович. Возможно, ситуация в Боливии и не спровоцирует повторения кризиса, равного карибскому, но обострить отношения между США и СССР вполне может. Тот хрупкий мир, которого удалось добиться в последние годы, необходимо сохранить любой ценой. Он достался нам слишком дорого, чтобы снова платить по счетам. К тому же у Фиделя есть отличный козырь для продолжения игры по своим правилам.

В беседе с Леонидом Ильичом он намекнул, что судьба РЭЦ напрямую зависит от судьбы крестового похода Че Гевары в Боливию.

– Вот это наглость! – Старцев чуть не задохнулся от возмущения. – Похоже, почтенный Кастро начинает зарываться. Получает от нас практически все: нефть и нефтепродукты, сельхозтехнику и специалистов, способных выжать из нее максимум пользы, запчасти к технике, продовольствие. И это не считая вооружения, боеприпасов и черт знает еще что! При этом, изображая из себя оскорбленную невинность, отказывается встречаться с представителями нашей страны, а теперь еще и к угрозам перешел? Да! Ситуация...

РЭЦ (Радиоэлектронный центр) был детищем Советского Союза, стратегическим объектом исключительной важности, на который власти возлагали огромные надежды. Его строительство в кубинском городе Лурдес, южном пригороде Гаваны, началось сразу, как только советские войска прибыли на Кубу. Предназначение центра предполагало радиоперехват информации с американских спутников связи, наземных телекоммуникационных кабелей и центра управления полетами НАСА, расположенного меньше чем в тысяче километров от строящегося центра.

В Лурдесе строилась не отдельная станция, а база для соединения Вооруженных сил СССР, которую планировалось круглосуточно держать в повышенной степени боевой готовности. В РЭЦ, предназначавшийся преимущественно для работы шестого отдела Главного разведывательного управления Генштаба Минобороны, также должны были войти узлы связи Военно-морского флота под кодовым названием «Платон», и узел связи «Орбита» для обслуживания нужд КГБ.

Непосредственная близость Соединенных Штатов давала возможность получать такой огромный объем информации, о котором раньше Советы не могли и мечтать. В возможности РЭЦ входил не только перехват сообщений, при желании новые технологии позволяли создавать помехи. База НАСА должна была стать для Советского Союза «открытой книгой», в которой можно было не только видеть, но и слышать все происходящее.

Сейчас центр работал в четверть своей силы, до момента полного запуска оставалось около шести месяцев. Все заинтересованные в его работе службы потирали руки, предвкушая выгоды, которые сулил запуск РЭЦ. Заявление Фиделя Кастро о возможности приостановки строительства и аннулировании договоренностей по эксплуатации центра ставило под удар все планы СССР, поэтому реакция высших чинов была понятна и Шабарову, и Старцеву.

– Думаешь, Фидель на это пойдет? – задал вопрос подполковник Старцев. – Он ведь понимает, что это приведет к тому, что Советский Союз заморозит все поставки на Кубу. Без поддержки СССР его правлению не продержаться и года, тем более после того, как политика Кастро привела к исключению Кубы из Организации американских государств и поставила его режим в изоляцию в Западном полушарии.

– Он также понимает, что за такой лакомый кусок, как отобранный у СССР Радиоэлектронный центр, ЦРУ даст ему все, что он пожелает.

– Фидель – яростный противник американской системы, на сделку с США он не пойдет. Конечно, ситуация сложная, но после всего того, что Куба натерпелась от американцев, это просто невозможно. Общественное мнение...

– Не думаю, что ему для этого нужно будет во всеуслышание заявлять о своем сотрудничестве с американским правительством.

– И все же шила в мешке не утаишь, Леша. Как только станет известно, что Фидель продался американцам, его имиджу конец.

– Вот поэтому он и оставил этот вариант на крайний случай, – согласился Шабаров. – Потому он и обратился к нам, и теперь нам с тобой предстоит решать его проблему.

– Значит, все-таки «Фактор»?

– Не самый худший вариант, Николай Викторович.

– Возможно, и так. – Старцев потянулся к папке, принесенной Шабаровым. – Позволишь взглянуть?

– В принципе для тебя там нет ничего нового. На данном этапе нам нужно выполнить предварительную подготовку операции и определиться с кандидатами для ее проведения. Фидель заверил, что раньше января наша помощь, чтобы остановить Че Гевару, не понадобится, так как он полностью захвачен идеей подготовки бойцов, которую организовал на полигоне близ Гаваны. До этого времени нам нужно подготовить все необходимое для проведения операции, – сообщил Шабаров, придвигая папку с документами подполковнику. – Кому из твоих ребят выпадет невеселая задача пугать ворон – решать тебе.

Старцев задумчиво просмотрел на собеседника и склонился над бумагами.

*Куба, Гавана, резиденция Кастро,
октябрь 1966 года*

Рауль Кастро сидел в кабинете за огромным столом, размером с футбольное поле, заваленным кипами бумаг, и корпел над финансовыми документами. В его ведении находились Революционные вооруженные силы Кубы, и Рауль стремился к тому, чтобы армия Острова свободы стала настолько сильной, чтобы с этой силой считались во всем мире. Ради этой цели он трудился днем и ночью, вникал в каждую мелочь, сам просчитывал размер финансирования и обдумывал каждый этап реконструкции армейских подразделений.

Те, кто знал Рауля довольно близко, заметили бы то, что он заметно нервничает. Легкое подергивание века, немного суетливые движения рук, перебирающих бумаги, чуть неровный почерк обычно твердой руки, заполняющей многочисленные столбцы в финансовых документах. В комнате он был один, но все говорило о том, что совсем недавно хозяин принимал посетителя и этот посетитель и стал причиной нервозности военного министра Кубы. Соседний стул выдвинут так, будто его раздраженно оттолкнул назад недовольный посетитель. На столике у дивана стоял графин с водой и два стакана, которыми не так давно пользовались, причем нервно, ибо из одного из них жидкость расплескалась на белую скатерть. В массивной пепельнице остатки сигары, расплюсненной о дно с такой силой, что листья табака стали похожи на малярную кисть.

Время от времени Рауль отрывался от бумаг и бросал взгляд на столик у дивана и пепельницу. Каждый раз при этом он хмурился и шевелил губами, словно продолжая недавний спор. Впрочем, так оно и было. Его визитер рассердил хозяина больше, чем тот готов был признать. Обычно Рауль старался не выходить из себя, сдерживая раздражение, но сегодня это оказалось невозможно. Время шло, а Рауль продолжал сердиться и мысленно выдвигать оппоненту аргументы, пользы от которых уже не было никакой.

Так Рауль просидел около часа, затем, поняв тщетность попыток выполнить работу, отложил бумаги, вышел из-за стола и подошел к окну. Взявшись было за фрамугу, чтобы открыть ее, передумал, открывать окно не стал. В октябре сезон дождей подходил к концу, дождливых дней становилось все меньше, но духота от высокой температуры еще не спала, поэтому уличный воздух не мог принести свежесть в комнату. В светлое время суток столбик термометра упорно стоял на тридцати, снижаясь к вечеру лишь на пару-тройку градусов. Рауль смотрел на пейзаж за окном и не видел его. Мысли главнокомандующего вооруженными силами были далеко от дорогого сердцу пейзажа.

Спустя какое-то время Рауль почувствовал, что не один в комнате. Он оглянулся: у двери стояла женщина, которой он посвятил свою жизнь. Его жена, соратник и друг смотрела на него внимательным взором. «Вот кого мне так не хватало для душевного спокойствия», – про-

мелькнуло в голове Рауля. Как всегда, когда взгляд останавливался на жене, губы Рауля тронула теплая улыбка.

С Вильмой Эспин он познакомился во времена кубинского подполья «Движение 26 июля». Тогда они с братом отбывали наказание в мексиканской тюрьме. Вильма же являлась связующим звеном между братьями и повстанцами Франка Паиса, одного из самых преданных соратников Кастро. Дочь управляющего крупнейшей компанией по производству рома в Сантьяго-де-Куба, Вильма не превратилась в изнеженную богатую наследницу. Она не пожелала последовать примеру матери, которая довольствовалась ролью домохозяйки. Вильма решила, что способна на большее, и не ошиблась. Она одна из первых девушек получила на Кубе высшее образование по специальности «инженер-химик». И все же химия ее не увлекла. Доказав себе и всему миру, что женщина способна освоить столь сложную специальность, химию Вильма забросила. Она искала для себя другой путь. Познакомившись с революционером Франком Паисом, Вильма тут же примкнула к движению, и это определило ее дальнейшую судьбу.

Рауль знал ее как Дебору, такой псевдоним выбрала себе девушка, ею она для Рауля и осталась, несмотря на то что из подполья они давно вышли. Сейчас, спустя семь лет после победы революции, Дебора продолжала вести активную политическую деятельность, став не только правой рукой Рауля, но и, с одобрения Фиделя, разведенного главы государства, первой леди страны на всех приемах и встречах. Член политбюро ЦК Компартии Кубы, член Государственного совета страны, глава Федерации кубинских женщин – ее деятельность не знала границ. Удивительно было то, что при такой загруженности Дебора умудрялась быть хорошей женой и матерью. Она подарила Раулю дочь Мариэлу, а всего год назад преподнесла еще один подарок – сына Алехандро, чему Рауль был несказанно рад.

– Я не слышал, как ты вошла, – негромко произнес он, повернувшись спиной к окну.

– Я и не хотела, чтобы ты услышал, – ответила Вильма. – Хотела понаблюдать за тобой, пока ты меня не видишь.

– Вот как? Чем обосновано такое желание? – Рауль в удивлении приподнял брови.

– Это очевидно. – Вильма пересекла кабинет, остановилась рядом с мужем и положила руки ему на плечи. – Я всегда хочу знать, что тебя тревожит.

– Ерунда, – попытался отмахнуться Рауль. – Никаких особых тревог нет, обычные государственные дела и проблемы.

– Не желаю слушать отговорки. – Вильма пристально посмотрела в глаза мужа, вынуждая ответить тем же. – Скажи, что тебя тревожит на самом деле.

– Перекаладывать свои проблемы на хрупкие плечи женщины – удел слабых мужчин. – Тон Рауля звучал назидательно.

– Глупости! Делиться сокровенным – основа крепкого брака, – в тон ему ответила Вильма. – К тому же плечи твоей жены не настолько хрупкие, чтобы не выдержать забот своего мужа. Ты знаешь об этом не хуже меня.

– В этом ты права. – Рауль склонился и поцеловал жену в лоб. – Твои плечи выдержат все, что угодно.

– Так расскажи, что тебя тревожит, – повторила просьбу Вильма. – Снова повздорил с Фиделем?

– Ты всегда чувствуешь, когда у нас случаются размолвки.

– Потому я здесь, – просто ответила Вильма. – Так что случилось?

– Старая история, – Рауль тяжело вздохнул.

– Снова Че?

– Как всегда в последнее время.

Оба немного помолчали. Рауль собирался с мыслями, Вильма терпеливо ждала, когда супруг заговорит.

– Помнишь, когда все начиналось, я всегда выступал на стороне Че Гевары, а Фидель осторожничал, – начал наконец Рауль. – Так было правильно. Че говорил правильные слова, совершал правильные действия. Фиделю, как лидеру, следовало осторожничать, просчитывать наперед на двадцать шагов. Наша же с Че задача заключалась в том, чтобы не дать погаснуть огню борьбы, не позволить страху взять верх, а людям – усомниться в победе. И мы победили. Тогда, когда никто этого не ожидал, все пророчили нам провал, а нашим начинаниям безрадостное будущее. Но вот мы у руля, мы правим страной так, как мечтали когда-то там, в мексиканской тюрьме. На нас смотрит мир, к нашему мнению прислушиваются главы сопредельных государств. Мы не победили, но преподали хороший урок такому монстру, как Соединенные Штаты с их непомерными аппетитами. Мы не позволили вернуть наш остров обратно в рабство империалистических государств. На нас полагаются миллионы кубинцев, и не напрасно: мы хорошо делаем свою работу.

– Я думала, ты собираешься говорить о Че, – напомнила Вильма.

– Все верно, я беспокоюсь за него, за нашу страну, за будущее наших детей, а брат не разделяет моих опасений. – Рауль поморщился. – Эрнесто как будто потерялся в своих политических баталиях, оторвался от реальности. Куба ему больше не интересна! Как будто мы затеяли революцию просто оттого, что нам стало скучно. Как такое возможно, Дебора?

– Эрнесто – большой ребенок, только и всего, – начала Вильма, но Рауль ее остановил:

– Ребенок! Думаю, такое определение подходит ему как нельзя лучше. Получил одну игрушку, поигрался и захотел пять таких же. Так веселее.

– Давай-ка, дружок, присядем на диван, и ты мне обо всем обстоятельно расскажешь.

Вильма потянула мужа за руку, тот послушно пошел за женой. Они присели на диван, Рауль откинулся на подушки, Вильма же повернулась вполоборота, чтобы лучше видеть лицо супруга.

– Эрнесто настаивает на крестовом походе в Боливию, – печально произнес Рауль. – Никакие уговоры не действуют, он решительно намерен воссоздать кубинский вариант восстановления справедливости для бедных именно там.

– Почему именно там? – Вопросом Вильма лишь выказывала интерес к беседе, помогая Раулю начать трудный разговор.

– Ты читала книгу Эрнесто «Партизанская война»? – вместо ответа Рауль задал новый вопрос.

– Да, прочитала еще в тысяча девятьсот шестидесятом. Фидель преподнес в виде подарка, – ответила Вильма.

– И что ты думаешь о его идеях?

– Фокизм – хорошая теория, – осторожно начала Вильма. – В слаборазвитых странах третьего мира, к которым относятся и страны Латинской Америки, силами городского пролетариата действительно революцию не совершить. Пролетариата там, как верно подметил в своей книге Эрнесто, попросту не существует. Создание подготовленными бойцами «фоко» – партизанских очагов в сельской местности, тоже кажется мне здравым решением. Привлечь крестьян из местных жителей, организовать множество боевых отрядов, все это вполне логично.

– Логично и правильно. Желать простым людям, бедным людям в других странах обрести то, что обрели кубинцы после победы революции – это правильно и благородно. И первые шаги моего брата и Че Гевары были верными, потому я их и поддерживал. Это я через год после установления нового режима предложил создать на Кубе школу подготовки партизан под управлением генерального директората разведки. Моими стараниями около пяти тысяч латиноамериканцев из Венесуэлы, Колумбии, Перу, Гватемалы, Аргентины и прочих стран прошли специальную подготовку и получили серьезный багаж в области ведения партизанской революционной войны. А потом они вернулись домой.

– Я знаю об этом, дорогой, – напомнила Вильма.

– Но знаешь ли ты, что стало со всеми этими латиноамериканцами там, дома? – Голос Рауля возвысился, было видно, что данная тема дается ему тяжело.

– Судя по твоему тону, что-то не слишком хорошее. – Вильма постаралась смягчить ситуацию.

– Именно так, Дебора, не слишком хорошее.

Вильма невольно улыбнулась, даже в минуты волнения ее супруг называл ее, используя псевдоним, упорно игнорируя настоящее имя. Ей это нравилось. Так как Деборой она была только для супруга, обращение казалось сугубо личным.

– Так что же с ними произошло?

– Все их попытки реализовать на практике идеи Че о «партизанском очаге» потерпели неудачу. Все до единой попытки, Дебора, ты это понимаешь?

– Но почему? – Вильма казалась искренне удивленной.

– По ряду причин. – Рауль подался вперед, всем своим видом показывая, насколько важна для него затронутая тема. – Их было слишком мало, действовали они чересчур торопливо, подготовку не провели так, как того требовали обстоятельства. Революции за три недели не происходят, милая, а этого-то им в школе партизан и не объяснили. Но самой главной причиной провала каждый раз служило одно и то же: неверно выбранное время. То, что для революции достаточно малой группы бойцов, готовых сражаться за свои идеи и за интересы простого народа, оказалось главным просчетом теории фокизма.

– Что случилось с теми бойцами? – обеспокоенно спросила Вильма.

– А что могло случиться с теми, кто покушается на действующий режим, Дебора? Тебе ли этого не знать. – Рауль удрученно покачал головой.

– Скажи, Рауль, ты уверен в источниках, из которых черпаешь информацию?

– Я сам этот источник, Дебора, и в себе я полностью уверен. Но не в этом суть. Пробелы и недочеты партизанской школы я в состоянии исправить, а вот повлиять на решение Че Гевары – нет, особенно когда его поддерживает сам Фидель Кастро. Просто кое-кто забыл, что для успеха революции нужно, чтобы воедино сложились определенные факторы, которых в Боливии нет.

– Что ты имеешь в виду, Рауль?

– Позволь мне совершить экскурс в историю. – Рауль вновь откинулся на подушки, принимая расслабленную позу. – Из всех стран Латинской Америки Боливия, пожалуй, самая уникальная страна. Начнем с того, что более половины ее населения составляют индейцы, которые до сих пор хранят наследие империи инков. Инков, Дебора, ты это понимаешь?

– Да, дорогой, я поняла, что ты хочешь этим сказать.

– Это первый фактор. – Для наглядности Рауль выставил вперед ладонь, откладывая счет на пальцах. – Боливия невероятно богата природными ресурсами, и при этом сама страна бедна до крайности, потому что у нее нет толкового хозяина. Рачительного хозяина. И это второй фактор. Третий: эта страна воевала со всеми соседями, при этом умудрилась проиграть все войны. С тысяча девятьсот тридцатого года в стране постоянно происходили перевороты и восстания, что пагубно отразилось на благосостоянии населения. Оно в буквальном смысле больше тридцати лет жило в нищете. Всего два года назад в Боливии произошел очередной переворот, в результате которого к власти пришел генерал ВВС Рене Баррьентес Ортуньо. Что ты знаешь о Рене Ортуньо?

– Боюсь, на этот вопрос я не могу ответить, – сказала Вильма. – Я его не изучала.

– Мне же пришлось его изучить, – заявил Рауль. – Баррьентес всерьез взялся за дело, доложу я тебе. Он приложил немало усилий, чтобы исправить перегибы прежнего режима. В первую очередь он разоружил так называемую рабочую милицию, которая совершенно не защищала население страны, скатившись до откровенного бандитизма. Баррьентес, полукровка-кечуа, искренне гордится своими инкскими корнями, поэтому для основной массы

населения он кумир, свой человек, «крестьянский генерал». Баррьентес ездит по всей стране, заезжает в самые отдаленные деревни. Он выслушивает жалобы простых крестьян, реально решает их проблемы. Он лично курирует свою программу по постройке школ в каждой деревне. Проведя аграрную реформу, он дал крестьянам землю, теперь они не бесправные и бессловесные батраки, а фермеры. Пусть мелкие, но фермеры, которые получили возможность работать на себя. И он старается наладить связи, чтобы привлечь в страну иностранный капитал. Да, да, Дебора, Ортуньо активно сотрудничает с США. Вот в какую страну Эрнесто собирается в крестовый поход в погоню за удачей, которая, по всей видимости, от него отвернулась.

– Ты говорил с ним, Рауль? С самим Эрнесто, – поинтересовалась Вильма.

– Пытался, но он слишком занят, чтобы уделить время своему соратнику.

– Так заставь его выслушать! Разложи все по полочкам, как сейчас мне. Нельзя допустить, чтобы он пустился в эту авантюру. Даже мне понятно, что при таком раскладе поднять крестьян против Ортуньо не получится. Впервые за тридцать с лишним лет кто-то обладающий реальной властью оберегает их интересы. Кусать руку, которая кормит?

– Именно это я и пытаюсь донести до Фиделя вот уже шесть месяцев!

– Вижу, твои аргументы на него не действуют? – Вильма кивком указала на пепельницу со смятой сигарой.

– Так и есть. – Рауль устало вздохнул. – Сегодня он был особенно резок со мной. Три месяца назад мне казалось, что по этому вопросу мы пришли к взаимопониманию, но последний разговор показал, насколько я заблуждался.

– Так что же все-таки произошло между вами? Что произошло на самом деле, Рауль? Что произошло три месяца назад? – Вильма снова заставила мужа посмотреть ей прямо в глаза.

– Помнишь день, когда вернулся Эрнесто? – после непродолжительной паузы задал вопрос Рауль.

– Да, помню.

– Больше всего меня поразила не его внешность, хоть он и преобразился до неузнаваемости: без бороды, в толстых роговых очках, волосы седые, со странными залысинами. И этот его галстук, он их никогда в жизни не носил. Фидель устроил для него прием. Нечто полуофициальное, завтрак для своих, позвал тех, кто был знаком с Че. Эти люди больше часа сидели с Эрнесто за одним столом, ели-пили, вели беседы, но ни один из них так и не узнал в госте Че Гевару. Вот что не дает мне покоя, Дебора! Как можно не узнать человека, с которым знаком не один год, только потому, что у него изменилась прическа? А ведь я тоже не узнал его, даже после личной беседы.

– Фидель не сказал тебе, кто его гость? – удивилась Вильма.

– Нет. Сказал, как и всем: хочу познакомить тебя с интересным человеком. Вот так. Только после завтрака, когда Че отправился на секретную базу для тренировок, я узнал, кто был гостем, – признался Рауль. – Надо сказать, ощущения, которые я испытал после признания Фиделя, были весьма неприятные. Как будто меня коварно обманули, подставили самые близкие люди. По сути, так и есть. Фидель – мой родной брат, Эрнесто – лучший друг и соратник.

– Не сгущай краски, дорогой, тут и без того есть над чем задуматься, чтобы еще личные обиды копить. Подумай, возможно, ты найдешь объяснение поведению брата. Скорее всего они хотели проверить, работает ли маскировка. Ведь если даже ты его не узнал, значит, не узнают и враги.

– Кто его враг, Дебора, вот в чем вопрос. Изначально в Боливии планировалось создать базу для тренировок, отправную точку для создания революционного движения в Аргентине и других странах Латинской Америки. Но если так, зачем такие предосторожности? Нет, Дебора, Че Гевара собирается воевать в Боливии. Воевать с боливийской армией, а для этого у него слишком мало людей, слишком мало ресурсов. Ему не выстоять. В конечном итоге он погибнет сам и погубит нас.

– Возможно, насчет первого ты прав, а вот насчет второго... – Вильма с сомнением покачала головой. – Как он может погубить нас?

– Подумай хорошенько. Кубу уже исключили из Организации американских государств. Наша страна находится в полной изоляции. Стараниями правительства США мы персоны нон грата, прокаженные, которым отказано в общении на равных. Как думаешь, улучшит ли положение тот факт, что представитель Кубы начнет военные действия на территории чужого государства? Именно так мировой общественности преподнесут высокие порывы Эрнесто.

– Но ведь он не ведет туда армию в прямом понимании этого слова.

– И все же на базе, организованной для Че в Боливии, немало оружия и боеприпасов. Здесь, на секретной базе Че, тоже не мальчиков для бальных танцев готовят. Он берет с собой в Боливию специально обученных солдат. А там, в Боливии, их никто не ждет.

– И нет никакой возможности его остановить? Ведь можно же что-то предпринять?

– Как раз три месяца назад я это и сделал, – признался Рауль. – После того памятного завтрака я долго думал над тем, как отразится авантюрная вылазка Эрнесто на Кубе. И пришел к выводу, что поход необходимо предотвратить любой ценой. Я понимал, что добровольно Че от своей идеи не откажется. Чем больше мы будем настаивать, тем больше он будет упираться, так было всегда, и мне это прекрасно известно. Запрещать Эрнесто что-то – только подливать масла в огонь. Я подумал: что, если кто-то опередит Эрнесто? Если в Боливии начнется революционная борьба силами другого государства, тогда, быть может, Че эта тема станет неинтересна? Два героя на одно государство – это слишком много.

– Но кто же захочет выполнять подобную роль только ради того, чтобы остановить Че? – Вильма смотрела на мужа во все глаза.

– Вести борьбу и не нужно. – Рауль невесело улыбнулся. – Нужно только убедить в этом Эрнесто, и больше ничего.

– И кого же ты выбрал на эту роль?

– Ты знаешь ответ, – коротко произнес Рауль.

– СССР, – за мужа ответила Вильма. – Только это бред. Зачем Советскому Союзу это?

– Затем, что у них в нашей стране есть свой интерес. Большой интерес, Дебора. Я думал над этим вопросом больше недели, а потом пошел к Фиделю и выложил свой план.

– Как он отреагировал?

– Поначалу и слушать не хотел. Твердил, что не станет обманывать Эрнесто, даже ради спасения его жизни. «Это его жизнь, Рауль, и мы не вправе решать его судьбу», вот что он мне сказал. Но ты же знаешь, когда нужно, я могу быть настойчивым. В итоге он согласился подумать. Я решил, что он так сказал лишь для того, чтобы прекратить спор. Но спустя две недели он сам пришел ко мне. Сказал, что настроения Че заставили его передумать. Он сам связался с Москвой. Не знаю, что именно он говорил и как преподнес желание уберечь Че от похода в Боливию, но знаю, что получил положительный ответ. В Москве согласились с тем, что идея Че не сулит ничего хорошего как Кубе, так и СССР.

– Так чем тогда ты недоволен?

– Мой план провалился, – честно признался Рауль. – Три месяца к Эрнесто из разных источников стекалась информация о том, что на территории Боливии действует некая организация, настраивающая местное население против режима и что их действия терпят неудачу за неудачей. Я думал, что это оттолкнет Че, заставит пересмотреть свои планы. Но нет, видимо, чужие неудачи только подзадорили Эрнесто. Сегодня Фидель объявил, что Че выдвигается в свой поход не позднее ноября. Я вновь попытался убедить брата в необходимости остановить Че, но он настроен решительно. Сказал, что окажет Эрнесто посильную помощь, в остальном – умывает руки.

– И СССР также не будет ничего предпринимать? – спросила Вильма.

– Не знаю, Дебора, но думаю, что руководство Советского Союза поступит так же, как Фидель. Отойдет в сторону и посмотрит, чем закончится дело.

– Что ж, Рауль, пора и тебе отойти в сторону. Ты сделал все, что мог, и даже больше. Не кори себя, ведь, в сущности, твой брат прав: каждый сам выбирает свою судьбу. Твоя судьба – это Куба. Для Че Гевары все не так однозначно, он по натуре борец. Никто не заставит его сидеть в душном кабинете и сводить скучные цифры прихода-расхода. Он просто не создан для подобных занятий.

– Но как это тяжело, Дебора, осознавать, что дорогой тебе человек губит себя понапрасну! – воскликнул Рауль.

– Знаешь, дорогой, судьба – штука странная. Может статься, этот поход принесет Эрнесто славу.

– Думаешь?

– Надеюсь, Рауль. А теперь выброси мысли о Че из головы и пойдем домой. – Вильма погладила мужа по плечу. – Алехандро научился корчить забавную рожицу и жаждет поделиться своими достижениями со своим отцом.

Она встала и, не оглядываясь, пошла к двери. Она была уверена в том, что муж последует за ней, как и в том, что разговор о Че Геваре еще не закончен.

Глава 3

– *Mein Bruder spielt Ball, повтори, Роке.*

Мальчишка лет восьми, накручивая на палец торчащие во все стороны густые темные волосы, старательно выговаривал слова вслед за своей учительницей, но те никак не желали складываться во фразы. Язык цеплялся за зубы, по подбородку текли слюни, что явно не приносило радости учительнице, хоть та и старалась это скрывать.

– Не высовывай язык, Роке. Брудар... Брудар... не нажимай так на «р». – Учительница снова и снова повторяла сложное для ученика слово, но тот лишь сильнее высовывал язык и исходил слюнями. – Роке, постарайся произносить слово легче. Ведь не так это сложно. Представь, как будет приятно Роландо, когда ты сможешь звать его братом не только на испанском языке, но и на немецком.

– Сеньорита Лаура, почему Роландо нельзя выучить это слово и называть так меня? – Роке жалобно вздохнул и вытер рот рукавом рубашки.

– Роландо учится живописи. – Сеньорита Лаура протянула Роке тканевое полотенце. – Не пользуйся рукавом, когда нужно вытереть лицо. Вот, возьми.

– Я тоже хочу учиться живописи. – Роке послушно воспользовался полотенцем, его чумазое лицо закрыла ткань, пока он высказывал свои крамольные мысли. – Рисовать намного легче, а он старше меня, так почему все самое сложное достается мне?

– У каждого человека разные способности. У Роландо способности к живописи. Он чувствует цвет и перспективу, Роке. Ты же должен проявить терпение и открыть в себе способности к языкам.

– Но почему я не могу потратить свое терпение на то, чтобы открыть способности к перспективе и цвету? Кисти меня любят, сеньорита Лаура. Вы видели мой последний рисунок? – Роке привстал со стула, готовый бежать за рисунком.

– Видела, Роке, и могу сказать, что он весьма неплох.

– Неплох? Да он роскошен! Картина – хоть сейчас в музей выставляй.

– Быть может, ее и выставили бы в музей, если бы где-то открыли выставку человеко-коров. Зачем ты пририсовал корове человеческие глаза и руки?

– Чтобы было смешно. Придет на выставку грустный человек, а там моя картина. Он встанет напротив нее и начнет смеяться. И будет так долго смеяться, что грусть навсегда улечитится. Разве это плохо, сеньорита Лаура? – Мальчик с надеждой смотрел в глаза учительницы, ожидая одобрения.

– Как на немецком будет звучать слово «картина»? – Сеньорита Лаура ушла от ответа.

– Да знаю я, знаю. Только мне совсем не нравится говорить на немецком. И зачем только этих немцев придумали? Разве не могут все люди говорить на одном языке? Вот было бы здорово, если бы все люди говорили на испанском! Это очень красивый язык. И слово «брат» на нем звучит намного дружелюбнее, чем на немецком.

Мальчик оборвал себя на полуслове, как только в комнату вошла его мать. Сеньора Сокорро Селич, как и подобает супруге полковника армии, даже дома застегнутая на все пуговицы, остановилась в дверях и нахмурилась. Сеньорита Лаура захлопнула учебник и подтянулась.

– Сеньорита учительница, Роке опять уваливает от учебы? – строго глядя на сына, задала вопрос Сокорро.

– Мы уже закончили, – ответила Лаура и увидела в глазах юного ученика выражение облегчения и благодарности. – До следующего занятия, Роке, тебе нужно заучить десять немецких слов, которые мы записали в тетрадь. Справишься?

– Конечно, сеньорита Лаура. – Мальчик вскочил со стула и в порыве нежности обнял учительницу. – К следующему уроку они у меня от зубов отскакивать будут.

Мальчик выскочил из комнаты, чуть не сбив мать с ног. Лаура поднялась. Сеньора Селич улыбнулась ей и проговорила:

– Роке просто обожает вас, сеньорита Лаура. И как вам удастся заставить его зубрить все эти сложные слова? У других учителей он и десяти минут высидеть не мог.

– Роке – способный мальчик и очень добрый, – похвалила Лаура сына сеньоры Селич, несколько покривив душой. – Следующий урок, как всегда, во вторник.

– Полковник хотел присутствовать на уроке, – заявила Сокорро. – Хочет лично убедиться, что его деньги не пропадают даром.

– Хорошо, буду иметь в виду, сеньора Селич. Если это все, я, пожалуй, пойду.

– Антонио отвезет вас, – распорядилась сеньора Селич. – До вторника, сеньорита Лаура.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.